

Воскресенье, 21-го сентября 1903 года.

С. Камень.

Проведение Сибирской желѣзной дороги создало въ Сибирѣ новую экономическую эру, облегчивъ переселенческое въ Сибирь движеніе, удешевивъ вывозъ сибирскаго сырья, ожививъ торговые обороты, направивъ въ Сибирь массу торговаго люда въ поискахъ легкой выгодной наживы и привлекая аппетиты и торговыя капиталы иностранцевъ для скупки и экспорта сибирскаго сырья. Всѣ эти факторы вмѣстѣ възвѣли въ Сибирѣ возникновеніе новыхъ отраслей промышленности для добычи селѣско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ, напримѣръ, маслодѣліе, увеличили размѣръ хлѣбныхъ запасовъ, вызвали необходимость пріобрѣтенія селѣско-хозяйственныхъ машинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удорожили сибирскую жизнь. Сибирь уже перестала быть страной дешевизны селѣско-хозяйственныхъ, рыбопромышленныхъ и другихъ промысловыхъ жизненныхъ продуктовъ и прежняя золотая эра сибирской дешевизны отходить въ область преданій. Наступленіе новой экономической эры чувствуется не только на протяженіи желѣзной линіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и далеко въ сторонѣ отъ нея. Подъ вліяніемъ развившагося торговаго оборота возникли торговые центры, стягивающіе сибирское сырье. Эти центры быстро растутъ, оживляются и мѣняютъ свою былую деревенскую фیزیономію на новую го-

Николаевскъ, Берекъ, Камень, Сузунъ, Усть-Чарышская пристань, Бѣлоглазова и проч. Въ лѣтнее время это—оживленная пристань, а въ зимнее—склады хлѣба и сырья. Во время навигаціи каждый день въ Камнѣ бываетъ по нѣскольку пароходовъ, идущихъ по Оби. У берега выстроены громадныя хлѣбныя амбары. Одинъ изъ нихъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, открываетъ гостепріимно свои двери для сценическихъ представлений, когда въ немъ въ лѣтнее время нѣтъ зерна. Камень въ настоящее время насчитываетъ до тысячи дворовъ—до семи тысячъ населенія, девять десятыхъ котораго пришли сюда въ послѣдніе 20 лѣтъ. На

лѣе привезти вмѣсто нихъ въ Камень хлѣба и сырья. Эти орудія и машины, кажется, единственные полезные предметы культуры, вывозимые изъ Камня, но значеніе ихъ обоюдостро. Въ умѣлыхъ расчѣтливыхъ „культурныхъ“ рукахъ это благо прогресса и техники—средство прочнаго экономическаго роста и благосостоянія, но въ рукахъ невѣжественныхъ, некультурныхъ это лишь средство наискорѣйшаго истощенія земельныхъ богатствъ, земельной производительности, что не замедлитъ сказаться. Я полагаю, что руки, въ которыя нынѣ попадаютъ эти орудія и машины, невѣжественны и некультурны. Они стараются извлечь какъ можно больше, ведя самое нерациональное хозяйство, не вводя въ сѣвооборотъ новыхъ культурныхъ растений, а стараясь достать изъ земли только пшеницу и пшеницу и превратить ее въ деньги. Послѣдніе неурожайные годы показали, какъ экономически неустойчиво населеніе этихъ „хлѣбородныхъ и богатыхъ“ мѣстъ. Оказался недостатокъ мѣстнаго хлѣба и пришлось его ввозить и выдавать не только сѣменной, но и продовольственнымъ ссудой. Населеніе оказалось бѣднымъ, нуждающимся въ посторонней помощи, неимѣющимъ кромѣ хлѣбопашества и маслодѣлія другихъ серьезныхъ промысловъ, которые помогали бы пережить безъ посторонней, въ данномъ случаѣ правительственной помощи, годину неурожая. Гдѣ же въ такомъ случаѣ было сибирское богатство, которое должно было бы еще увеличить-ся при оживленіи торговаго оборота?



с. Камень. Церкви новая и старая.



с. Камень. Училище.



с. Камень. Часть главной улицы.

родскую. Изученіе прошлаго и настоящаго нѣсколькихъ такихъ центровъ и окружающаго ихъ района дало бы крайне поучительный и любопытный матеріалъ. Сегодня я хочу остановить вниманіе читателя на селеніи Камень, гдѣ мнѣ пришлось провести нынѣ лѣтнюю нѣкоторое время. Селеніе находится на берегу Оби въ Бурлинской хлѣбородной богатой волости Барнаульскаго уѣзда. Лѣтъ 15 еще тому назадъ селеніе это насчитывало съ сотню дворовъ съ постройками обычнаго деревенскаго сибирскаго типа, съ двумя лавочками, удовлетворявшими непріхотливый деревенскій спросъ. Съ развитіемъ же хлѣбной торговли, а въ особенности съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги и возникновеніемъ и развитіемъ маслодѣлія мирная и тихая жизнь Камня начинается быстро измѣняться. Хотя Сибирская дорога прошла въ 200 верстахъ отъ Камня, но ея вліяніе сильно сказалось: въ Сибирѣ явился, такъ сказать, наосъ, который сталъ вытягивать сибирское сырье на сибирскую магистраль. Обь, протекающая въ своемъ верхнемъ теченіи по плодороднымъ богатѣмъ Барнаульскому и Бійскому округамъ облегчила работу этого наоса и дала пріютъ ряду торговыхъ центровъ какъ Ново-

улицамъ Камня явились постройки городского типа, нѣсколько каменныхъ домовъ, изъ нихъ одинъ еще неоконченный постройкой—домъ торговца Винокурова—громадной чисто городской величины, съ асфальтовыми тротуарами, съ паровымъ отопленіемъ. Нижний этажъ его приспособленъ для обширныхъ торговыхъ помѣщеній. Въ Камнѣ находится десятки лавокъ по улицамъ селенія, изъ этихъ лавокъ нѣкоторыя совершенно городского типа, съ городскими товарами, могущими удовлетворить спросъ городского человѣка. Иностраннй капиталъ высылалъ въ Камень своихъ представителей въ видѣ датчанъ и нѣмцевъ, которые явились сюда за скупкой сырья и для сбыта земледѣльческихъ орудій и машинъ, на которыя нынѣ явился большой спросъ, вызванный желаніемъ извлечь изъ земли возможно болѣе сырыхъ продуктовъ, чтобы выкинуть ихъ на рынокъ. Помимо казеннаго склада въ Камнѣ продаются селѣско-хозяйственные орудія и машины у четырехъ иностранныхъ фирмъ, да и русскіе мѣстные торговцы занимаются ихъ сбытомъ, почему въ нѣсколькихъ мѣстахъ около домовъ устроены цѣлыя выставки.

Масса этихъ орудій и машинъ вывозится изъ Камня въ окружающій районъ, чтобы еще бо-

Невѣжественное, некультурное населеніе при благоприятныхъ обстоятельствахъ начинаетъ хищничать и не умѣетъ разумно распорядиться полученными изытками.

Каменскій торговецъ разложилъ свой товаръ и потираетъ руки отъ удовольствія, если годъ хорошій, урожайный—на товаръ большой спросъ, денегъ у населенія много. Но что это за товаръ въ большинствѣ случаевъ? Это товаръ, который „скрашиваетъ и улаживаетъ жизнь“ въ видѣ ситцевъ, суконъ, ленточекъ, красивыхъ сапоговъ, пряниковъ, конфетъ, гармошекъ, фигурныхъ пуговицъ и т. п. Я, конечно, ничего не имѣю противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей, но только въ томъ случаѣ, если на ряду съ этими товарами предьявляется болѣйшій спросъ на товары болѣе солиднаго свойства, которые кладутся какъ сѣмена болѣе производительнаго хозяйства. Въ томъ то и дѣло, что спросъ на такіе товары по сравненію съ товарами первой категоріи очень низокъ. Да такъ оно и должно быть среди населенія слабаго культурнаго уровня, умственно бѣднаго.

Количество потребляемой водки въ Каменскомъ районѣ растетъ. Каждый день пароходы привозятъ груды ящиковъ казенной водки, но

и это обильное предложение не может удовлетворить спроса. Как конкретный пример количества потребляемого из самого Камня алкоголя, привожу небольшую иллюстрацию. До постройки новой каменной церкви в Камне была деревянная маленькая. Общество решило построить новую каменную и деньги на это из размаха 30 тысяч рублей постановило отчислять из дохода общественного кабака, существовавшего до половины прошлого года—до введения казенной продажи вина. Несмотря на то, что в таких общественных кабаках отчетность оставляла желать очень многого, несмотря на то, что доходы от кабака шли на разные общественные нужды, тем не менее 30-ти тысячный капитал, потребный для постройки каменной церкви, отчислялся из доходов общественного кабака лишь в течение только пяти последних лет! Сколько, значит, было вынито водки!...

В Камне ныне имеется одна казенная винная лавка, но она не удовлетворяет спроса по понятным основаниям—русское население не привыкло пить лишь в установленные часы, да и одна лавка не может обслуживать обширное население. Как естественное последствие—явилось корчемство. Многие жители занялись тайной продажей. Особенно во время нынешней летней ярмарки в июле бойко шла эта продажа почти открыто. Некультурное население Каменского района массу денег тратит на водку. В Камне еще нет трактира с машиной, но это не за горами—эта доходная статья ждет еще пока подходящего предприимчивого человека. Камень вырос и принимает городской вид благодаря только торговому капиталу. Никаких промышленных заведений в Камне нет и торговли—это существенный жизненный нерв. Торговец постарался завести отчасти на общественные, отчасти на свои «пожертвованные» деньги почтовое отделение и телеграф, так что

занять обильный досуг скучающих участников. Да, культурное влияние Камня на окружающий район сводится к нулю, но мы не думаем обвинять в этом каменицев. Таковы условия сибирской жизни, в которой широкая личная инициатива не только не находит поддержки и сочувствия, а напротив встречает глухую враждебность и чреватую последствиями подозрительность.

Ал. Г.—в.

Игра.

(Рассказ).

В село Три Сосны неожиданно приехали доверенный с Олекмы.

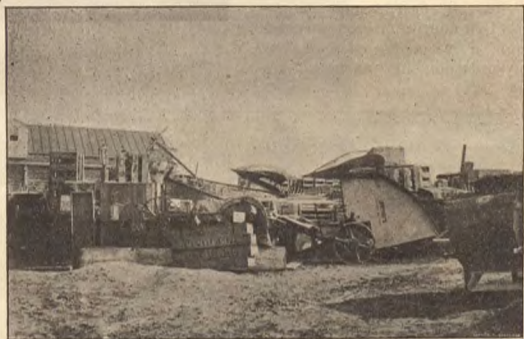
Никогда до этих пор сосновские мужики и понятия не имели об Олекме. Тут вдруг все оживилось и заговорило. Пошли какие-то прямо фантастические рассказы.



с. Камень. Часть глазной улицы



с. Камень. Склад машин Наружный вид.



с. Камень. Склад машин. Внутренний вид.

в Камне теперь перфедность заграничные телеграммы. Каменская торговая интеллигенция для усаждения, для скрашивания своей жизни, временами и веселится, устраивая спектакли и давая заработок забавщикам, хотя и «неумудрым» артистам. Чревоугодники, фокусники, акробаты, канатоходцы начинают заглядывать сюда и собирают дань с населения, у которого духовные запросы слабы. Развившийся каменец потребовал портных и сапожников и ювелиров, вывески которых попадаются на улицах, а каменская франтиха уже не удовлетворяется работой своей или домашней швеи, она потребовала уже специалисток своего дѣла, которая и явилась с своей вывеской «мастерская».

Для усаждения слуха заведений оркестры из четырех музыкантов и балами этого оркестра пользуется не только мѣстная зажиточная публика, но и рядовое крестьянство на своих свадьбах и пирушках. Одним словом, пиджачная культура в Камне уже пожаловала, ну, а о культурах богаче солидной и полезной нельзя этого сказать. Дѣл низших школы дают молодому поколению, да и то лишь избранной части его, только простую грамотность. Приезжий в Камень человек не найдет в нем духовной пищи, не пополнит своего умственного кругозора. Каменский обыватель ведет растительную, желудочную жизнь и духовные потребности его самого примитивного свойства. Устраиваемые изредка спектакли имеют главной цѣлью

— На Алехме, парень, ежели съ умомъ,—говорили мужики,—можно въ одинъ годъ аградарный капиталъ загресть...

— На Алехме, теперича, говорить, простые рабочие при часахъ ходять, при перстняхъ золотыхъ... картузный табакъ курить... Водки—хоть залейся. Кто хочет—работаетъ, а то броситъ съ полденъ, да въ казарму, въ карты играютъ, спиртомъ угощаются...

Появился даже какой-то доподлинный «алехминекъ». И хотя онъ былъ очень оборвант, грязень и невзраченъ, но все ему вѣрили и угощали водкой, потому что ужъ больно хорошо онъ рассказывалъ.

— У насъ, напримеръ, шахта была четверста пятидесяти четвертей... на Аканакѣ... да. И спускаютъ тебя, примерно, на бельгийскомъ канатѣ, въ бадѣ. Когда же ты попадаешь на дно, то тебя ставятъ въ простыню, даютъ свѣчу, струментъ—валяй! И жила, напримеръ, она идетъ во какава,—во!

Оборванецъ засучивалъ рукавъ и показывалъ свою крѣпкую, напряженную, какъ веревка, руку.

— Во какава жила, напримеръ!.. И вотъ ты, примерно, работаешь... Какъ чуть чего служащий заглядѣлся—ты сейчасъ ловимъ манеромъ, да въ карманъ... Тянешь изъ этой жилы сколько полагается, гляди потомъ: золотишка три, четыре, а то и пять... Вотъ тебѣ на худой конецъ десятка, а то и полторы въ день... да. А то бываетъ—по двадцать пять рублей обра-

батываютъ на день, вотъ какава заработка! Вотъ какиа естѣ фатовые люди.

— Ну, ужъ и по двадцать пять!—возражали мужики, у которыхъ спирало духъ отъ такой умишки денегъ.

— Что?—злобно набрасывался оборванецъ.— Да у насъ почти каждый рабочий получалъ по пяти, по шести сотъ на руки, а которые мало-мало сдерживались на счетъ водки—по тыщѣ, по двѣ!

— Ой, какъ вретъ!—хохотали мужики, чувствуя, однакоже, что у нихъ бѣгаютъ по спинѣ мурашки.

— Кто, я вретъ? На-ка вотъ, выкуси! Прочитай-ка эту штуку!

Оборванецъ лѣзъ въ свой грязный карманъ и извлекалъ оттуда масляный—премасыный конвертъ съ пятью печатями, въ которомъ было действительно выслано на его имя пятьсотъ рублей изъ одной Витимской компании.

Это что? Ну-ка, разуй глаза-то!

Среди мужиковъ нашелся одинъ грамотный и, къ немалому изумлению слушателей, прочиталъ: «въ такое-то волостное правление, для передачи Кузьмѣ Веселкову, со вложениемъ пяти-сотъ рублей».

Сомнѣний быть не могло. Оборванецъ и пропойца Веселковъ, самый нестойкий человекъ, заработалъ пятьсотъ рублей! Сколько же могъ загресть денегъ человекъ степенный, прижимистый, не пьяница, хороший хозяинъ?!

Воображение мужиковъ было напряжено до послѣдней степени. Пятьсотъ рублей! Тыща! Да ведь это цѣлое состояніе! Тутъ вонъ жуть съ ранней зари до поздняго вечера за какиахъ нибудь семьдесятъ копѣекъ, а косятъ даже по полтинѣ. Попробуй-ка накопить пятьсотъ рублей! Такой тымы не получишь до самой смерти.

— Ну, скажемъ такъ, хоть не тыщу, а примерно триста, али пятьсотъ,—старались образумить себя наиболее

хладнокровные мужики.—Такъ вѣдь это какава подмоча въ хозяйствѣ, а?

Многие стали положительно бредить «Алехмой».

— А мнѣ что?—говорили пѣтуковые,—зальешься года на два, на три, потомъ поживай себѣ, какъ баринъ—и шабашъ тому дѣлу!

Бабы съ утра до ночи сидѣли за самоварами и, переходя отъ одной кумушки къ другой, вели нескончаемыя бесѣды объ «Алехмѣ».

— Чего же, матушка ты моя, какиа нонече достатки? Гдѣ чего заробишь? Изъ-за однихъ податей заматили хресьянъ, да подводы, да всяка тягость... Я ужъ и то говорила мужику: или, молъ, на Алехму, все не обогнешь ли какую копѣйку».

— Ой тошно, дѣвка, я и сама ужъ собираюсь съ мужикомъ-то, какъ ежели возьмутъ... ребитнище у насъ нѣту-ка, чего же, думаю, не идти?...

Разговоры переходили изъ устъ въ уста и разговорчли воображеніе. Отъ простыхъ бабъ разговоры перешли незамѣтно въ кухню барыни, которая, конечно, каждый вечеръ передавала всѣ деревенскія новости своему мужу.

Въ оборотъ пошли совершенно новыя слова, о которыхъ до сихъ поръ никто не зналъ въ деревнѣ: «шахта», «жила», «четыреста пятидесяти четвертей», «спускаютъ на бадѣ», «на вагончикахъ» и проч. Но особенно часто и съ большимъ волненіемъ повторялось: «тыща», «тыщу», «пятьсотъ», «сотъ на восемь» и т. п.

Даже сам баринъ, Василий Алексѣичъ Шаркунцовъ, сталъ часто и съ особенной сладостью задумываться объ Олекминскихъ прискахъ.

— Чортъ знаетъ, попадаетъ же иной разъ людямъ счастье!—мечталъ, лежа въ постели, Василий Алексѣичъ.—Славно бы этакъ горнымъ исправникомъ туда попасть. Послужить лѣтъ восемь, десять, загребъ сотнягу тысячъ—адѣ, молшерь, я уѣзжаю!

И въ его головѣ такъ же, какъ и у основанныхъ мужиковъ, все чаще и чаще мелькало слово: "тыща", "тыщу", "тысячъ-адакъ-десять"...

Когда, наконецъ, къ нему пришелъ съ визитомъ олекминскій довѣренный, очень бравый мужчина лѣтъ сорока пяти, съ массивною золотой цѣпью на жилетѣ и тоненькимъ колечкомъ съ брилліантовымъ камешкомъ на мизинцѣ, Василий Алексѣичъ почувствовалъ къ нему одновременно и большое уваженіе, и жгучую зависть. "Навѣрное, получаетъ тысячъ двадцать въ годъ... сволочь",—подумалъ баринъ, но съ очень радужной улыбкой сказалъ:

— Покоритѣсь прошу садиться. Очень радъ познакомиться... Сюда вотъ, сюда, батенька, на кресло...

И Василий Алексѣичъ долго и крѣпко жалъ жирную и немного потную ладонь олекминскаго довѣренняго.

Довѣренный, не торопясь, съ движеніями человѣка, знающаго себя цѣну, усаженъ на кресло, крикнулъ и, вынувъ изъ бокового кармана изящный съ эмальевыми украшеніями портсигаръ, закурилъ папиросу.

— Давно въ нашихъ палестинахъ?—осведомился Василий Алексѣичъ.

— Мм... какъ вамъ сказать... Третьяго дня ночью. Почти что утромъ, вѣрнѣе сказать...

— Много рассчитываете нанять въ нашей волости?

— Да какъ вамъ сказать? Человѣкъ до трехсотъ найму, если будетъ народъ хорошій и подходящий. Мы вѣдь, видите ли, задатки даемъ очень хорошіе, такъ что я буду весьма строго разбирать народъ.

А довѣренный, какъ бы читая тайныя мысли Василия Алексѣича и желая еще больше его раззадорить, продолжалъ:

— Мы собственно могли бы гораздо больше намыкать. Но, видите ли, у насъ хозяйнѣ страшнѣй оригиналъ. Пошлемъ ему телеграмму: "намыто пятьдесятъ пудовъ". Отвѣчаетъ: "довольно, прекратите работы". А вы представляете: только августъ и работа въ самомъ разгарѣ. Можно бы, видите ли, еще пудовъ сорокъ намытъ...

— Но, позвольте, почему же? Вѣдь это странно!—почти возмутился Василий Алексѣичъ.

— Оригиналъ!—пожалъ плечами довѣренный. —И вы представьте: августъ мѣсяцъ, а мы рассчитываемъ рабочихъ; августъ, видите ли, самая промывка, а мы—машина стопъ... Какъ вамъ нравится?

— Извините меня пожалуйста, но—это идиотство! Помилуйте, чортъ возьми, такая уйма денегъ, а онъ прекращаетъ!

Василий Алексѣичъ даже соскочилъ со стула и заходилъ въ волненіи по комнатѣ.

— Прекращать работу, когда, чортъ возьми, вамъ миллионъ въ карманѣ лѣзетъ! Самъ госпо-

вошла горничная съ большимъ подносомъ, на которомъ стояли: графинъ водки, бутылка коньяку и какой-то очень красивый кувшинчикъ съ виномъ, различная закуски и хлѣбъ,—и поставила все это на столъ. Василий Алексѣичъ, еще до прихода довѣренняго предполагая его визитъ, распорядился, чтобы закуска была приличная. Теперь онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что его приказаніе было исполнено въ лучшемъ видѣ.

— Ага-съ, вотъ это кстати!—сказалъ Василий Алексѣичъ, потирая руки.—Ну-те, батенька, того-съ...

Онъ взялъ фамильярно довѣренняго подъ руку и повелъ его къ закускѣ.

— Вамъ какого? а?

— Какого хотите, все равно... Мы народъ таежный.

— Ха-ха-ха! Вотъ это я люблю. А не хватитъ ли намъ для прочности фундамента коньяку?

— М-можно...

— Ахъ, чортъ васъ дери, вы, право, хорошій парень! Ну-съ, бонжуръ!

Василий Алексѣичъ налилъ двѣ большіихъ рюмки, чокнулся и потомъ быстро проглотилъ рюмку, даже не моргнувъ глазомъ. Довѣренный сдѣлалъ тоже самое, но нѣсколько методичнѣе, со смакомъ, и тоже не моргнувъ глазомъ. Потомъ онъ взялъ кусочекъ сахара и откусилъ небольшой осколокъ, обнаруживъ ровные и крѣпкіе зубы.

— Чудакъ вашъ хозяйнѣ, право—возвращаясь къ прежнему разговору, сказалъ Василий Алексѣичъ.—Вѣдь навѣрное огромный капиталъ имѣеть?

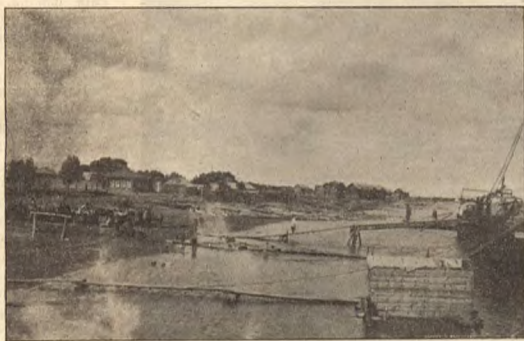
— Громадный,—сказалъ довѣренный, съ какимъ-то особымъ сладострастіемъ прищуривъ лѣвый глазъ.

У Василия Алексѣича надулись щеки и жадно—всего загорѣлись глаза.

— Громадный, говорите? Ну, вотъ видите! А коего же онъ чорта, съ позволенія сказать, стѣняется братъ еще? Почему онъ, напримеръ, оставляетъ это самое золото въ землѣ? Для чего?



с. Камень. Хлѣбный амбаръ.



с. Камень. Набережная и пароходная пристань.



с. Камень. Модная мастерская.

— Это конечно, конечно,—поспѣшилъ согласиться Василий Алексѣичъ.—Что-жъ, помилуйте, изъ-за своихъ денегъ да стѣняется!

Василий Алексѣичъ питалъ самыя нѣжныя чувства къ солиднымъ суммамъ и теперь, сидя рядомъ съ представителемъ богатой миллионной компаніи, онъ чувствовалъ тотъ давно знакомый ему приливъ жадности, который онъ ощущалъ всякій разъ при видѣ большихъ денегъ.

— Скажите, пожалуйста,—продолжалъ Василий Алексѣичъ,—вы, вѣдь, кажется довѣренный Сибиряковъхъ?

— Да,—отвѣчалъ довѣренный.

Въ его отвѣтъ звучала удовлетворенная гордость и Василий Алексѣичъ сразу это почувствовалъ.

— Богатая компанія?

— Да ничего,—улыбаясь, отвѣчалъ довѣренный;—пудовъ пятьдесятъ—шестьдесятъ намыкаемъ въ операцию.

— Золота-съ?—поднявъ брови,—спросилъ Василий Алексѣичъ.

— Конечно.

— Но-о...—началъ было Василий Алексѣичъ, пораженный той массой денегъ, какую должны были дать пятьдесятъ пудовъ золота,—и остановился, не желая выдать свое волненіе. Онъ замолчалъ и только нервно барабанилъ пальцами по колѣну.

динъ миллиончикъ къ вамъ напрашивается!.. Не понимаю, чортъ меня возьми,—это идиотство!

— Оригиналъ!—снова повторилъ довѣренный.—Онъ какъ разсуждаетъ, видите ли: онъ говоритъ—такая штука: "золото, говоритъ, мое и присяжъ мой. Не все ли равно, когда мнѣ его вынуть оттуда—нынче или на будущій годъ? По крайней мѣрѣ я, говоритъ, каждый годъ рабочему человѣку кусокъ хлѣба дамъ". Оригиналъ, понимаете.

— Да чортъ ихъ въ душу дери этихъ самыхъ рабочихъ!—уже кричалъ Василий Алексѣичъ.—Вѣдь вы поймите: миллионъ, чортъ его подери! Мил-ли-онъ, дьяволъ его поберетъ! а?

Онъ взялъ довѣренняго за пуговицу пиджака и дергалъ ее къ себѣ.

— Нѣтъ, я не понимаю такихъ идиотовъ!—горчился Василий Алексѣичъ.—Имѣтъ возможность загрести здорово живешь цѣлый миллионъ—и не воспользоваться! Да я бы, понимаете, тутъ что натворилъ. То есть, чортъ его знаетъ, что бы надѣлалъ. Всѣмъ самыми лучшими красавицами міра воспользовался... Дворецъ бы себѣ выстроилъ. Во всѣхъ заграничахъ накуралесилъ по самое покорно благодарю. Самому бы тамъ сардинскому королю въ морду далъ... Статую "свободы" бы тамъ, что-ли въ куски искрошил! Да однимъ словомъ чортъ его не знаетъ, чего бы не натворить!

Довѣренный только пожалъ плечами.

— Х-ге-ге-ге,—захлебываясь отъ нервного хохота, продолжалъ Василий Алексѣичъ.—Я бы, видите-ли... х-ге-ге-ге! да я бы, чортъ его дери, парижанки эти самыя, итальянки, турчанки... развѣ бы я чтонибудь пропустилъ? Да наслаждайся ты природой, оседай этакимъ, х-ге-ге-ге! А то помилуйте: "прекратить"! х-ге-ге-ге!

— Да, вотъ толкуйте съ нимъ,—сказалъ довѣренный.—Конечно, развѣ есть капиталъ, почему же его и не взять?

— А я о чемъ же и толкую!—подхватилъ Василий Алексѣичъ.—Вѣдь это богатство—сила! Преогромѣйшая сила, батенька мой! И вдругъ человѣкъ, совершенно сознательный человѣкъ, говоритъ: "прекратить". Ну, какъ вы это переварите? Идиотство, идиотиссимусъ!...

Пришелъ волостной писарь, поздоровался, приложился къ графиню, сѣлъ. Потомъ пришелъ подвальный, потомъ кто-то еще. Завязался разговоръ, выпили, всѣ были возбуждены. Незаметно какъ-то появились карты и гости стали играть.

Одна мысль неотступно лѣзла Василию Алексѣичу: ему страшно, почти до боли, хотѣлось обыграть довѣренняго. Разговоры о миллионахъ, о золотѣ разжигали его воображеніе. Онъ почти видѣлъ это золото, осязалъ его своими руками, слышалъ, какъ оно приятно позвякиваетъ въ его карманѣ. И почему бы не обыграть до-

Къ рисункамъ.

«Вечерняя тишина».

Картина г. Вучичевича «Вечерняя тишина», снимокъ съ которой помѣщается въ этомъ номерѣ, выставлена въ залѣ Общества поощенія о начальномъ образованіи вмѣстѣ съ другими картинами первой сибирской передвижной выставки. Мотивы этой картины взяты изъ окрестностей села Богородска на Оби, гдѣ художникъ прожилъ лѣтомъ жить и охотился. Это мотивы скромной, мирной природы сибирской равнины, напоминающіе великорусскіе пейзажи. Для временнаго жителя Сибири, конечно, желательнѣе увезти съ собой на память виды грандіозной Сибири, виды Алтая, Саяновъ или Байкала, но значительная часть сибирскаго населенія живетъ въ сторонѣ отъ величественной и романтической Сибири, и было бы не нормально, если-бъ въ живописи изображеніе нашего равниннаго пейзажа навсегда осталось съ такимъ же проблемомъ, какъ это случилось въ сибирской поэзии.

П.

Озеро Караголь.

Оз. Караголь—одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ на Алтаѣ—лежитъ въ 14 часахъ верховой ѣзды отъ с. Чемала, въ верховьяхъ р. Элиманара. Мнѣ пришлось быть на немъ въ 94 году 25 мая. Дорога идетъ по берегу р. Элиманара все время въ гору, все выше и выше.

Окружающая растительность измѣняется съ каждымъ шагомъ. Кедровый и пихтовый лѣсъ понемногу исчезаетъ и замѣняется серебристыми кустами карагайника, зарослями карликовой березки и вереска. Еще выше—исцѣли и кусты.

Передъ вами обширное горное плато, покрытое мхомъ.—Вы ходите на перевалѣ «Беладикъ», на высотѣ 8000 футовъ. Повсюду разсыпаны чудныя синія и палевыя алтайскія фіалки, кандыки, вѣтренницы, роскошныя темносинія генціаны, но все это мало, миниатюрно, не болѣе вершка.

Карликовая березка возвышается только на 1 четверть надъ поверхностью земли вмѣсто полоторыхъ аршинъ; верескъ совсѣмъ не поднимается, а стелется по землѣ и, переплетаясь своими вѣточками, образуетъ коверъ.

А кругомъ въ даль открывается такая душа захватывающая панорама синѣющихъ горъ, что долго не можешь отъ нея оторваться.

Съ перевала Беладикъ спускаешься прямо на озеро Караголь, которое лежитъ на высотѣ 7500 футовъ.

Озеро окружено почти отвѣсными скалами, покрытыми снѣгомъ.

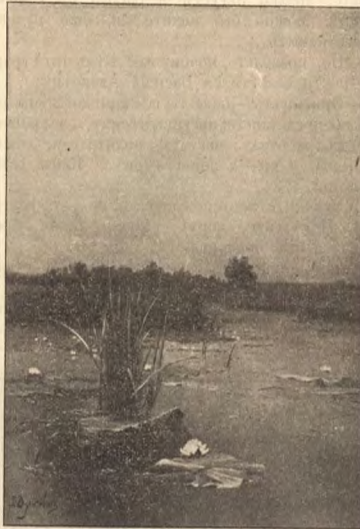
А по самому берегу у подножія этихъ скалъ раскинулся пихтовый и кедровый лѣсъ, отражаясь въ зеркальной поверхности озера, размеры котораго около 100 саженъ длины и 50 ширины.

Если подняться выше по «куруму» *) къ скаламъ, покрытымъ сплошнымъ покровомъ снѣга, то попадешь въ небольшую, замкнутую съ 3-хъ сторонъ котловину, въ которой по удивительной иррѣ природы имѣется какъ бы нарочито выложенная изъ каменныхъ плитъ площадка съ небольшимъ водянымъ бассейномъ по срединѣ. Лучшее время для поѣздки на Караголь—конецъ іюня; въ концѣ августа тамъ уже зачастую выпадаетъ снѣгъ.

В. Романовъ.

(Окончаніе будетъ).

тысячу, потомъ двѣ, десять, наконецъ обираетъ довереннаго, какъ липку, и только изъ великодушія отдаетъ ему сто рублей. То онъ видѣлъ себя горнымъ исправникомъ олекинской системы, получающимъ огромныя тысячи и живущимъ съ княжеской роскошью. То вдругъ ему представлялось, что онъ случайно заявляетъ на



Вечерняя тишина (В. Д. Вучичевичъ).



Озеро Караголь на Алтаѣ.

свое имя такіе же богатые промысла, какъ у Сибирякова и даже еще лучше, получаетъ миллионныя доходы и заводитъ себѣ самыхъ красивѣйшихъ въ мірѣ любовницъ... Ахъ, деньги! Сколько счастья можно завоевать, имѣя васъ въ карманѣ такой умный человѣкъ, какъ Василій Алексѣичъ!

Онъ заснулъ поздно. Сны были очень тревожныя, фантастическіе; однажды барина даже душилъ кошмаръ и онъ заторопился дикимъ, испуганнымъ голосомъ на весь домъ, но скоро опять заснулъ и проспалъ до одинадцати часовъ утра.

вѣреннаго? Навѣрное получаетъ баснословныя деньги, не говоря уже про разнаго рода доходы, хотя бы вродѣ вынѣшней наемки. Что-ему стоить спустить тысячку—другую?

Доверенный игралъ съ большимъ тактомъ, спокойно, увѣренно, ни на одну минуту не выдавая своихъ внутреннихъ чувствъ. Онъ ставилъ ремизы, бралъ взятки, стучалъ, иногда выигрывалъ, иногда отдавалъ, но все это дѣлалъ съ неизмѣнной благожелательной улыбкой. Онъ, какъ хорошій машинистъ, умѣло управлялъ паровозомъ и спокойно катился по рельсамъ. Проиграю—прекрасно, а выиграю—тоже прекрасно.

Василій Алексѣичъ напротивъ горячился. Видя большой ремизъ, онъ жадничалъ, стучалъ на авось—и рѣзался. А когда шла хорошая карта, тутъ, какъ на зло, была маленькая ставка и вознаграждать себя никакъ не удавалось.

— Спокойствіе, погнѣвшее спокойствіе,—твердилъ мысленно Василій Алексѣичъ, и шелькъ графиню. Онъ выпивалъ рюмку за рюмкой, тащилъ то и дѣло къ закускѣ гостей и все больше терялъ самообладаніе.

— Какъ везетъ, мерзавцу, а!—думалъ Василій Алексѣичъ, глядя озвѣрѣвшими глазами на довереннаго, который перекладывалъ въ свой толстый бумажникъ выигранный кушъ.

И когда растворялся этотъ толстый бумажникъ, Василій Алексѣичъ каждый разъ видѣлъ, что тамъ лежало много «катеринокъ».

— Спокойствіе, спокойствіе и спокойствіе!—снова твердилъ себѣ Василій Алексѣичъ, сдавая дрожащими руками карты.—Я его, подлеца, обдѣлаю...

Но чѣмъ дольше тянулася игра, тѣмъ больше становилось очевиднымъ, что «обдѣлать этого подлеца» не удастся.

Въ пять часовъ утра гости, полусонные, съ красными лицами и дикими отъ возбужденія и водки глазами, стали прощаться. Василій Алексѣичъ настаивалъ играть еще, но доверенный рѣшительно отказался.

— Куда горячиться? — спокойно сказалъ онъ. — Не послѣдній разъ видимся, еще чай сыграемъ!

И онъ энергично пожалъ руку Василія Алексѣича. А тотъ стоялъ со свѣчей, въ разстегнутомъ жилетѣ и съ распахнутой грудью, еле сдерживая душнвившую его злость.

— Да ну, еще одну ставку!—безсмысленно настаивалъ онъ.

— Нѣтъ, довольно, Василій Алексѣичъ,—сказалъ доверенный и надѣлъ пушистую соболью шапку.—Будьте здоровеньки-съ.

Василій Алексѣичъ тупо проводилъ гостей, выпилъ еще двѣ рюмки и сталъ провѣрять свои убытки. Оказалось, что онъ проигралъ около двухсотъ рублей.

— Какаго я дурака сваялъ, а!—изумлялся Василій Алексѣичъ.—Нѣтъ, какъ я былъ глупъ, а! Дать этому толстопузому болвану двѣсти цѣлковыхъ, а!.. Да вѣдь это что же такое?

Ему хотѣлось спать, и пить водку, и бить посуду, и раскравивать чью-нибудь физиономію.

— Ну, нѣтъ, братъ, шалишь, посмотримъ, кто еще возьметъ! Поглядимъ, кто еще завтра обдѣлаетъ, да-съ!

Эта мысль успокоила Василія Алексѣича. Онъ прошелъ въ кабинетъ, кой-какъ раздѣлся и легъ въ постель. Въ разгоряченной головѣ рисовались картины одна другой фантастичнѣе: то онъ видѣлъ, что снова играетъ съ довереннымъ въ карты и ему лѣзетъ самая удивительная масть; онъ играетъ, играетъ безъ усталы, выигрываетъ